

Недавно в Большом зале Московской консерватории впервые выступил Российский национальный симфонический оркестр под управлением Михаила Плетнева. Это была премьера и оркестра, и дирижера, которого мы до недавних пор знали только как пианиста.

Михаил ПЛЕТНЕВ:

МЫ ВОЗНИКЛИ ИЗ ХАОСА, ПОДДЕРЖИТЕ НАС...

Трудно, в муках рождался новый коллектив. Такого оркестра у нас еще не было — независимого, вне государственных структур. Финансовую сторону взял на себя один из научно-производственных фондов. А на покупку инструментов молодой дирижер истратил тысячи собственных долларов.

О первых шагах нового оркестра говорит Михаил ПЛЕТНЕВ в беседе с корреспондентом «Известий».

— Михаил Васильевич, надо отдать дань вашему мужеству: в дни, когда и устоявшиеся-то коллективы вот-вот распадаются на лавины проблем, обрушившихся на них, вы решаетесь на акт создания. Тревожное слишком время...

— Времена мы, увы, не выбираем, живем в те, которые отпущены судьбой. Тревожное время? Да. Но с другой стороны, несколько лет назад, в «спокойные времена» мы и подумать не могли о создании независимого оркестра.

— Независимый оркестр — это звучит довольно странно, непривычно. Независимая газета — понятно; независимая от цензуры, от идеологического диктата. От чего и от кого хотя бы быть независимы музыканты?

— Вспомним, что в свое время Госоркестр не хотел, чтобы главным дирижером был Константин Иванов. И тем не менее Иванов просуществовал вопреки воле всех... 27 лет. И еще, знаете, какая зависимость у музыканта? Теперь никто, ни с какого «верха», не сможет нам спускать указания и «рекомендации» по содержанию репертуара, никто не заставит ехать туда, куда мы не хотим. Чувство свободы — прекрасное чувство...

— В названии у вас есть слова «Российский национальный...» По-моему, они должны вас ко многому обязывать.

— Когда мы собирались в один коллектив, названия оркестра еще не было, оно пришло позднее. Изначально мы хотели и хотим послужить музыке, творчеству, «национальное» над нами не преобладает. И все же, когда видишь, как идет повальный отъезд музыкантов на Запад, когда Россия лишается лучших имен, способнейших людей, разве не обидно за державу? Почему же было не попробовать создать им и здесь хорошие условия — пусть творят у себя на Родине.

— Сейчас носится в воздухе идея возрождения России...

— И это, конечно, мы имеем в виду, это тоже наша задача, но мы не ставим ее во главу угла, не хотим никакой демагогии, никаких высоких слов. Мы хотим установить полное взаимопонимание в профессиональном плане, хотим работать, творить, хотим быть самими собой. А это ведь и есть возрождение — не так ли?

— Согласен...

— Мне представляется, что возрождение России должно идти через возрождение культуры, искусства, через духовную сторону нашей жизни. Это единственное ценное, что у нас еще осталось, ничем другим мы никого в мире не удивим. Все остальное у нас находится в границах «истово» до «плохо». Искусство — это единственная отрасль, где

мы можем преуспеть и на что всегда и везде будет спрос. Если из России уплывет и искусство, если уедут люди, которые могут играть, которые могут писать, тогда уже страна — для тех, кто ее любит, кому не безразлична ее судьба, окажется на грани вымирания. Тогда и завершится чудовищный процесс вивисекции, произведенный над Россией в начале этого столетия и продолжающийся сейчас... Вы знаете, что и сегодня есть люди, которые хотят, чтобы нашего оркестра не было. «Пусть лучше все уедет за границу, пусть лучше ничего не будет», — так они настроены. Пресса, извините, о нас молчит, в то время когда о нас надо кричать. Не потому, что мы такие хорошие, а потому, что мы возникли среди хаоса, и из хаоса, вопреки всему и всем.

— Михаил Васильевич, нельзя ли поподробнее, через какие преграды пришлось пробиваться?...

— Много, славу Богу, позади, и вспоминать уже нет никакой охоты. Но поговорите с нашим директором — по две недели приходилось ходить за каким-нибудь чиновником, чтобы получить одну печать. Только человек, обладающий сверхтерпением, может что-то сделать в наших условиях. Я знаю, что сейчас многие совместные предприятия рушатся, многие нормальные люди, которые приехали сюда заниматься бизнесом, культурой, уезжают обратно, они плюнули на все — невозможно! По двадцать раз нужно прийти в одно и то же место, и когда они слышат в двадцать первый — зайдите в пятницу, и видите, что ничего не делается, а время уходит, поворачиваются и уезжают. И только тот, кто действительно придет в пятницу и найдет в себе силы снова, в двадцать первый раз, улыбнуться, тот только сможет чего-то у нас добиться. Но таких людей очень мало...

Мне раньше как-то не приходилось вплотную сталкиваться с нашими чиновниками, но теперь я ясно вижу, что наше общество преуспело только в том, что воспитало в человеке безразличие и цинизм. И то и другое совершенно беспрецедентно. Цинизм, с которым убивается все лучшее в людях, и безразличие, с которым это встречается всеми остальными. За исключением маленькой горстки чудачков, которые все еще трепыхаются, пытаются, несмотря ни на что, достучаться через прессу, через ТВ до людских душ, разбудить их.

Создан грандиозный аппарат, в котором, как мне показалось, немало людей, заинтересованных только в том, чтобы ничего не было. Они существуют настолько сами по себе и для себя, что умри все искусство, это их ничуть не потревожит — безразлично!

Но ладно чиновники-бюрократы! Я испытал настоящее потрясение от того, что увидел, как люди, уважаемые мной, личности творческие, почувствовав дыхание соперника, конкурента, прибегают к таким низким методам, дабы очернить тебя, растоптать, уничтожить, что, честное слово, стыдно об этом говорить вслух. Но, очевидно,

таков уж уровень нашего бытия...

— И все же вы существуете, вы начали концертную деятельность. Значит, ваши организаторские способности, ваши творческие, музыкальные идеи оказались сильнее всех обстоятельств и собрали коллектив единомышленников. Два слова о вашей музыкальной сверхзадаче...

— Она очень проста и одновременно сложна: добиться высочайшего качества исполнения, того качества, которое у нас в стране уже во многом утеряно. Залог тому есть, в коллективе собрались действительно единомышленники, действительно люди ярчайших способностей.

Есть музыка, которую я лично хорошо знаю и понимаю, эту музыку я буду стараться «делать» сам. Есть род музыки, где я не считаю себя оснащенным, скажем, французская — в таких случаях я буду приглашать дирижеров из Франции. Мы позовем дирижеров, которые что-то собой представляют в своей области и которые будут полезны для оркестра. Мы пригласим всех выдающихся дирижеров мира встать за пульт нашего оркестра... Средний возраст наших музыкантов — 40 лет, возраст и зрелый, и мобильный, уже намечены концерты в городах Союза, зовут и за рубеж — в Англию, Италию, Японию...

— Что ж, начало хорошее, поздравляю... Я только вот думаю о том, найдете ли вы слушателей в нашей глубинке? Симфоническая музыка требует и немалой подготовки, и развитого вкуса. А та масс-культура, которая захлестнула наши радиоволны и голубые экраны, мягко говоря, не очень способствует восприятию Бетховена.

— Все так, но и драматизировать излишне не надо. Люди не придут на плохой симфонический концерт. И в Москве у случайных артистов — полупустые залы. А если играет заезжая знаменитость, если сегодня вечером сам Рихтер? На ступеньках, в проходах сидят, яблоку упасть негде! В Пензе за неделю до нашего приезда все билеты проданы... Здесь снова выходит на первый план качество исполнения, о котором я говорил. Обеспечить качество — благодарные слушатели найдутся.

— Как-то в стороне остается тот фонд, которому вы обязаны своим существованием...

— Да, это несправедливо. Между прочим, такого рода фонды и их благотворительные проблемы остаются в стороне и от внимания государства. Это нужно как можно скорее поправить. Спонсоров искали мы долго, и все, как правило, перво-наперво спрашивали: а что они от этого будут иметь? Мы, конечно, в ответ пожимали плечами — ничего, рекламу. Рекламы им было мало. Наверное, ваше общество еще не достигло необходимого цивилизованного уровня. На Западе крупные фирмы считают за честь участвовать в субсидировании того или иного заметного культурного начинания — фестивалей, оркестра, музея. И естественно, бескорыстно. Участие в благородной акции становится тут же известно широкой публике — пресса свое дело знает! А раз ими фирмы появились у всех на слуху, она в конце концов не окажется в проигрыше, к ней придут новые заказчики, новые прибыли.

Будем надеяться, что и наш благородный московский фонд «Артиста» добьется с помощью общественности освобождения от нелепых налогов, которые умудряются накладывать на суммы, идущие на благотворительность, и сможет так же, как и другие подобные советские иезданы, широко развернуть свою гуманитарную деятельность.

— Вам, как самостоятельному коллективу, идет всего третий месяц. А как вы начинали, не с молебна?

— Нет, это мы как-то упустили из виду, хотя верующий народ в оркестре есть! Тем не менее будем надеяться на божью помощь, на внимание прессы, на поддержку слушателей. Повторяю: мы возникли из хаоса. Поддержите нас! Это так важно!..

Беседу вел Р. АИМЕЕВ.